

По традиции в первый день Нового года принято оставаться дома, не навещать родственников. В семьях, где много людей, собираются вместе, играют в карты или пьют, болтая о пустяках.

А у Цин Яня и Цю Хэняня было всего двое, поэтому в карты играть не с кем, да и к спиртному они относились равнодушно. После завтрака Цю Хэнянь достал столярные инструменты, решив сделать для Цин Яня еще один сундук.

Цин Янь, увидев это, сразу оживился. Пару лет назад увлечение столярным ремеслом было на пике популярности — многие вели стримы, показывая, как работают с деревом. Тогда он и сам купил полный набор инструментов, пробовал мастерить что-то дома. Хотя энтузиазма ему надолго не хватило, все же кое-какие навыки остались, и он с удовольствием принялся помогать Цю Хэняню.

Обратив внимание на оставшиеся куски древесины, Цин Янь решил их не выбрасывать. Он аккуратно обработал их, сделав несколько волчков разных размеров. Для основы он использовал красную краску, которой покрывали сундук, затем добавил узоры тонкой кистью черной краской, а кромки украсил золотым порошком, оставшимся от написания новогодних двустешии.

Когда все было готово, он поставил волчки на подоконник сушиться. На удивление, выглядели они очень красиво.

Цю Хэнянь подошел, взглянул на его работу и похвалил:

— Неплохо.

Цин Янь довольно улыбнулся в ответ. Его губы были мягкими и пухлыми, а белоснежные зубы ярко блестели на фоне теплой улыбки.

Сундук оказался несложным в изготовлении, и за день его успели закончить. Поставив готовое изделие в пристройку сушиться, они занялись ужином. Цин Янь выбрал большую рыбу и потушил ее. Заодно он приготовил крольчатину, добавив немного свиного сала для сочности, а также нарезал картофель, чтобы мясо получилось мягким и буквально таяло во рту.

Чтобы уравновесить вкус, он слегка обжарил тарелку свежих ростков зеленой фасоли, которые сам проращивал.

Во время ужина они почти не разговаривали. Если кто-то находил блюдо особенно вкусным, он молча пододвигал тарелку ближе к другому или даже перекладывал кусочек в его тарелку.

После еды Цю Хэнянь не позволил Цин Яню убирать посуду, сам занялся мытьем тарелок и чисткой плиты.

Цин Янь, оставшись без дела, уверенно отправился в соседнюю комнату, где принялся растирать тушь и тренироваться в каллиграфии.

Он и Цю Хэнянь все еще поддерживали негласное взаимопонимание. Цю Хэнянь писал образец и незаметно оставлял его на столе. Цин Янь копировал этот образец несколько раз, а затем оставлял самую удачную работу на том же столе. На следующий день он находил ее с пометками и исправлениями. После этого он переделывал свою работу, учитывая замечания.

Несколько таких циклов — и Цин Янь заметил, что прогресс в каллиграфии стал куда быстрее, чем когда он занимался наугад.

Более того, было очевидно, что Цю Хэнянь тщательно подбирал иероглифы. Сначала он предлагал простые, с симметричной структурой, легко запоминаемые. Когда Цин Янь уже уверенно их воспроизводил, следующая работа содержала элементы с более сложными штрихами, добавляя вызов.

Хотя до идеальной каллиграфии было еще далеко, Цин Янь больше не беспокоился из-за этого. Его охватило чувство уверенности и спокойствия.

Второй день Нового года

На второй день Нового года по дороге у дома начали проходить люди — молодые жены возвращались с мужьями и детьми в родные семьи.

Сестра Лань с мужем тоже вернулись, из-за чего дом тети Ли целый день был полон шума и смеха.

Утром пришли Ван Саньяо и У Цюнянь с сыном Няньшэном, неся с собой полные сумки подарков, чтобы поздравить всех с Новым годом.

Родителей Ван Саньяо давно не было в живых, как и родителей У Цюнянь. Поэтому каждый год второго числа они приходили поздравить старого Кузнеца Вана. После его смерти эта традиция сохранилась.

Цю Хэнянь был на два года старше Саньяо, и тот с женой обращались к нему как к «второму брату». В силу возраста и наличия младшего поколения, это было вполне уместно.

На самом деле, строго говоря, впереди должен был быть Ван Хэяо, но семья Саньяо давно разорвала с ним отношения, и уже несколько лет они не общались, тем более не ходили друг к другу на праздники.

В этот момент Цин Янь и У Цюнянь сидели вместе, а Няньшэн, с леденцом во рту, тихонько устроился рядом со своим отцом и дядей, слушая их разговор.

У Цюнянь, грызя семечки, сказала:

— На удивление, старший брат в этом году перед праздниками не приходил ко второму брату просить денег. Прямо солнце с запада взошло!

Цин Янь удивился:

— Он раньше каждый год приходил за этим?

У Цюнянь кивнула:

— Еще бы! Каждый год приходил, а второй брат всегда что-то давал. Уносил — даже спасибо не говорил, будто это ему должны! — она цокнула языком. — А в этом году как-то иначе. Может, из-за того, что второй брат женился, стало неловко, и он наконец-то понял, что это неприлично.

Однако Ван Хэяо оказался человеком, который не может долго не появляться, если о нем говорят. Не прошло и половины дня после этих слов, как к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, он появился у них на пороге.

На редкость, в этот раз он пришел не с пустыми руками — принес банку соевым молоком из лавки Лю Фа. Хотя такой подарок был, мягко говоря, скромным, все же это был шаг вперед, словно старая дева впервые поднялась в свадебный паланкин.

Цю Хэнянь с недовольным выражением лица велел Цин Яню не выходить из комнаты и сам вышел в двор поговорить с Ван Хэяо.

Цин Янь из-за дверной щели с трудом разглядел фигуру Ван Хэяо. Это был высокий мужчина средних лет в сером длинном халате и черной фетровой шляпе. Он был довольно худым, с бледным лицом, но у него были короткие ноги, плечи и спина выглядели тяжелыми и громоздкими, а сама осанка была слегка сутулой.

Поскольку они стояли немного в стороне от двери, Цин Янь не услышал, о чем именно говорили мужчины в начале разговора. Лишь спустя некоторое время он заметил, как лицо Ван Хэяо вдруг изменилось, и тот закричал, переполненный яростью:

— Не забывай, что ты по-прежнему носишь фамилию Цю, а не Ван! Кузницу тебе передали, но это не делает тебя полноправным ее хозяином! Не думай, что если ты смог убедить старика, то теперь можешь спать спокойно. Запомни, Цю, этот разговор еще не окончен!

Следом раздался громкий стук, словно что-то было опрокинуто, а затем тяжелые шаги и звук захлопнувшейся калитки, эхом отразившийся по всему двору. После этого снова воцарилась тишина.

Цин Янь, встревоженный происходящим, поспешно распахнул дверь и вышел наружу. Перед его глазами предстала следующая картина: Цю Хэнянь стоял посреди двора в полном одиночестве. У его ног на земле растекалось белое пятно — перевернутая банка соевого молока.

Неподалеку калитка, разбитая и покореженная, колыхалась под напором ветра. Одна из петель, словно выбитое из сустава плечо, висела перекошенной, готовая окончательно оторваться.

Услышав звук открывшейся двери, Цю Хэнянь обернулся и, стараясь скрыть смятение, спокойно сказал:

— Все в порядке, здесь холодно. Ты лучше иди в дом, я сам все уберу.

Цин Янь хотел было ответить, но в этот момент дверь соседнего двора скрипнула, и из нее вышли сестра Лань с мужем. Они решили остаться на ночь в доме ее матери. За ними, обеспокоенная, следовала тетя Ли. Стоя у ограды, она возмущенно сказала:

— Этот старший Ван совсем совести лишился!

Сестра Лань, обернувшись к матери, успокаивающе махнула рукой:

— Мама, не переживай, лучше вернись к детям. Мы с мужем пойдем поболтаем с Цин Янем.

В доме Цин Янь налил супругам горячего чая. Сестра Лань, осматривая помещение, с улыбкой заметила:

— Хэнянь теперь совсем другой человек — видно, женился, и все вокруг изменилось!

Ее взгляд упал на подсохшие волчки, аккуратно разложенные на подоконнике. Она с восхищением подняла один из них:

— Какая красота! Ты в городе покупал?

— Я сам сделал, — ответил Цин Янь, — Если сестра Лань не против, возьми пару штук для детей, пусть играют.

Муж сестры Лань сразу запротестовал:

— Да что ты, нельзя так, увидела и сразу брать! Это как-то неудобно.

Цин Янь мягко улыбнулся:

— Я сделал их для забавы, но одному все равно столько не нужно.

Сестра Лань весело кивнула:

— Тогда не буду скромничать, заберу.

Цин Янь кивнул.

Пока они разговаривали, Цю Хэнянь починил дверь и привел в порядок двор, после чего тоже вошел в дом. Цин Янь поднялся, чтобы отнести снятую верхнюю одежду Цю Хэняня в комнату. Тот тем временем вымыл руки, а Цин Янь уже вернулся, подготовив полотенце, и молча протянул его.

Каждое движение было безмолвным, но плавным, как поток воды. Сестра Лань, наблюдая со стороны, прикрыла рот рукой, с трудом сдерживая смех.

Цю Хэнянь сел, и все, собравшись за чаем, начали беседовать.

Сестра Лань спросила:

— Что за разговор был у вас с этим человеком?

Цю Хэнянь спокойно ответил:

— Он пришел, чтобы попросить у меня денег на покупку магазина в уезде.

Сестра Лань широко раскрыла глаза:

— Этот старый плут, кажется, совсем рассудок потерял! Магазин в приличном месте в уезде стоит как минимум тысячу лян серебра. Где же такие деньги сразу взять? Да и почему он решил, что это должен сделать ты?

Цю Хэнянь чуть опустил веки и сдержанно произнес:

— Раньше я уважал чувства моего приемного отца, помогал, если мог, но теперь моя ситуация изменилась. Я больше не могу этого делать.

Он не уточнил, что именно изменилось, но все за столом поняли его намек.

Цин Янь, опустив голову, под столом слегка прикоснулся пальцами к краю широкого рукава Цю Хэняня, будто желая утешить.

Сестра Лань, подумав, сказала:

— В этой ситуации ты абсолютно прав, нам не о чем беспокоиться. Если этот человек задумает что-то дурное, отправьте кого-нибудь в уезд, пусть найдут вашего зятя. У нас в аптеке молодых парней хватает, они смогут постоять за вас, если понадобится.

Муж сестры Лань добавил:

— Мой отец хорошо знаком с помощником начальника уезда. Если что-то понадобится, я смогу попросить его помочь.

Цю Хэнянь кивнул и сказал:

— Спасибо, старшая сестра Лань, спасибо, зять. Учитывая характер Ван Хэяо, он вряд ли осмелится совершить что-то слишком дерзкое. Однако боюсь, что в будущем это может осложниться.

Эта ситуация, хоть и была неприятной, не выходила за рамки надоедливых мелочей, которые раздражают, но не решаются сразу. Поэтому, поговорив об этом какое-то время, они сменили тему.

Немного поболтав, все вместе решили сыграть партию в карты. Лишь глубокой ночью компания разошлась.

Лежа в кровати, Цин Янь долго не мог уснуть. В итоге он решил встать и немного попрактиковаться в каллиграфии. За последнее время он заметно продвинулся в этом деле, и занятия начали приносить ему настоящее удовольствие.

Водя кистью по бумаге до тех пор, пока не почувствовал усталость, Цин Янь вдруг вдохновился. Он достал чистый лист бумаги и аккуратно вывел на нем несколько слов, а затем положил этот лист на самый верх стола. Удовлетворенно взглянув на свое творение, он прижал его края пресс-папье и только после этого отправился спать.

На следующий день, третий день нового года, по традиции полагалось выйти на улицу. Каждый

год у дома деревенского старосты устанавливали сцену для театральных представлений, которые начинались в полдень и длились до позднего вечера.

Люди надевали купленную к празднику новую одежду. Молодые девушки и геры с особой тщательностью наносили на лица красивый макияж с узором в виде цветков сливы. Дети, веселые и беззаботные, бегали с фонариками, которые для них изготовили взрослые, толпами сновали среди зрителей и выпрашивали у знакомых сладости, которые те заранее приготовили для них.

Цин Янь, позавтракав, был тут же призван на помощь тетушкой Ли и старшей сестрой Лань. Зятя безжалостно «выгнали» в соседнюю комнату, где он вместе с Цю Хэнянем с самого утра неспешно пил чай.

Тетушка Ли, которая раньше служила в богатом доме в уезде, была мастером причесок и макияжа, искусство которых превосходило всяческие похвалы. Цин Янь, привыкший к этому, относился к процессу абсолютно спокойно. До того, как ему улыбнулась удача в лотерее, он ради оплаты учебы даже работал моделью для интернет-магазина одежды. Тогда ему приходилось не просто долго носить макияж, но и по несколько суток подряд работать на съемках, успевая примерить сотни комплектов одежды за день.

Тетушка Ли приложила все свое мастерство, чтобы вместе со старшей сестрой Лань привести Цин Яня в порядок. Сам Цин Янь охотно сотрудничал. Пока все это происходило, прошло больше часа — заодно успели немного поиграть с детьми, что добавило процессу живости и радости.

Как только муж сестры Лань в который раз поднялся, чтобы выглянуть в сторону соседнего двора, а затем и сам Цю Хэнянь отложил чашку с чаем и несколько раз посмотрел в окно, дверь дома, наконец, открылась.

— Оба сюда! — высунув голову, громко позвала их тетя Ли.

Этих слов муж сестры Лань ждал уже давно. Он стремительно обогнул ворота и шагнул в соседний двор, а Цю Хэнянь последовал за ним.

Дверь распахнулась, и тетя Ли, отойдя в сторону, улыбаясь, пропустила свою дочь, которая плавно и изящно вышла в центр двора. Глаза мужа сестры Лань мгновенно зажглись, он даже начал запинаться:

— Красивая... просто невероятно красивая!

Позади сестры Лань следовала крохотная девочка двух-трех лет с ярким красным пятнышком в центре лба. Она весело затопала маленькими ножками по полу и прыгнула прямо в объятия отца. Муж сестры Лань, смеясь, поцеловал ее в пухлую щечку.

— Моя хорошая доченька тоже красавица.

Пока семейство обнималось, из дома вышел еще один человек.

Он был одет в легкий халат цвета слоновой кости, поверх которого наброшен длинный, тонкий жилет темно-красного оттенка. Эта благородная расцветка подчеркивала молочно-белую кожу его лица, делая ее еще ярче и нежнее.

Волосы, обычно собранные в простой хвост, были тщательно уложены: часть была заплетена в сложный и изысканный узор на макушке, а оставшиеся свободно лежали за ушами и по спине. Но, несмотря на изящество прически, в его облике не было ничего слишком женственного — легкая строгость образа добавляла немного героичности.

Тонкие брови были едва заметно подведены, а в центре лба — яркий красный знак в форме цветка сливы, оттеняющий его губы, украшенные помадой того же насыщенного алого цвета.

Красавец вышел из дома, встал посреди двора и посмотрел прямо на застывшего от неожиданности мужчину, который все это время смотрел на него, не мигая, будто околдованный. Он слегка улыбнулся, а в его взгляде смешались притворный упрек и кокетство.

- Муж мой, на что же ты так пристально смотришь, даже не моргая?

<http://bllate.org/book/13590/1205181>